

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

РЕФОРМАТОРСКИЙ ДЕМОКРАТИЗМ В КОНЦЕПЦИИ В.А. ГОЛЬЦЕВА*

Р.А. Арсланов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается становление либерально-демократического направления в общественной мысли России пореформенной эпохи. На примере творчества одного из крупнейших представителей либерального движения, редактора журнала «Русская мысль» В.А. Гольцева выявляются основные идейные элементы реформаторского демократизма, определяется его либерально-демократическая модель. Намечаются методические подходы к исследованию либерально-демократической мысли.

Ключевые слова: демократия, либерализм, либерально-демократическая модель, «Русская мысль», реформаторство, конституционализм, народничество, свобода личности, гражданское общество.

На рубеже XIX–XX вв. русский либерализм столкнулся с проблемой выбора дальнейшего пути своего развития. Как и сегодня, он был вынужден искать точку опоры, без которой проекты либерального преобразования страны оставались теоретической абстракцией. Часть либералов продолжала делать ставку на союз с властью, другие – рассчитывали на собственные силы и возрастающее значение интеллигенции, третьи – обращали свой взор к демократическим слоям общества, полагая, что лишь их вовлечение в политическую жизнь может стать решающим фактором утверждения ценностей свободы и прав личности. Именно последним принадлежит заслуга создания такой модели развития страны, которая, учитывая национальную специфи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-00222а.

ку, синтезируя либеральные и демократические идеи, могла привести к мирной, ненасильственной демократизации.

Представляется, что выявление, реконструкция и исследование проектов демократического обновления России, исключая насилие как метод преобразований, является важной научной задачей, решение которой позволяет полнее представить судьбы либерализма и демократии в современной России.

Особую актуальность данной теме придает осмысление проблемы отношения самого народа, воспринимаемого передовой частью российской интеллигенции как главная демократическая сила, к ценностям политической свободы и прав личности. Дело в том, что в пореформенную эпоху, да и сегодня, народ, испытывая на своих плечах все тяготы осуществляемой государством модернизации, страдая от проводимых либеральных преобразований, оказался чужд идеям конституционализма, толерантности и реформизма.

Духовной элите начала XX в. приходилось не только заботиться о создании гражданского общества и обеспечении участия народа в сознательной политической жизни, но и учитывать его склонность к стихийному протесту, приверженность к простым, а следовательно, радикальным, насильственным методам решения социальных проблем.

Вот почему в своих теоретических построениях интеллигенция стремилась соединить ценности политической свободы и прав личности с интересами и настроениями большинства, что, как представляется, остается важнейшей задачей и для современной России.

При этом следует учитывать и то, что современное российское общество, прошедшее через эпоху либеральных реформ начала 1990-х гг. и ощутившее на себе всю тяжесть их социальных последствий, до сих пор сохраняет критическое отношение даже к самим словам «либерал» и «демократ». Известную толику в деформацию этих понятий внесли взгляды и деятельность бессменного руководителя либерально-демократической партии В.В. Жириновского.

В итоге дискредитация либеральных ценностей поставила под сомнение возможность их укоренения в России, подтолкнув часть элиты к поиску такой модели развития, которая, опираясь на национальную культурную матрицу, обеспечила бы органический синтез либерализма и демократии.

В данной статье будут рассмотрены взгляды В.А. Гольцева – мыслителя и публициста, во многом типичного для свободомыслящей части российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Дискурс его теоретических исканий определялся, с одной стороны, отказом от некритического заимствования западных идей и патриотического самолюбования, ведущего к стагнации и изоляционизму, а с другой – стрем-

лением соединить ценности либерализма с национальной демократической почвой, т.е. выработать такую модель модернизации, которая предполагала реализацию принципа свободы усилиями большинства и в его интересах, но без использования революционных методов.

Обращение к его жизни и творчеству позволит также остановиться на сложнейшей задаче выявления психологических основ демократических воззрений, их связи с ментальной установкой российской интеллигенции на «общественное служение». Следует заметить, что хотя система взглядов и биография Гольцева еще ждут своего комплексного исследования, отдельные их стороны в последнее время получили свое освещение (1).

Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) родился в семье дворянина, испытывавшего нужду и зарабатывавшего на хлеб учительством.

Уже в детские годы у него формируется особенный душевный настрой, острое неприятие несправедливости и сопереживание ближнему, проявившиеся в глубокой и искренней вере. «Мечты мои, – вспоминал позднее Гольцев, – часто принимали религиозное аскетическое направление... мне страстно захотелось уйти в пустыню, чтобы спастись, чтобы замолотить грехи и свои, и своих родных» (2).

Летом 1861 г. он поступил в Тульскую гимназию, в которой учился, по собственным словам, «неровно: то отлично, то плоховато». Однако неудачи вызывались не ленью, а вынужденными из-за тяжелого материального положения семьи пропусками занятий. «Перешел я в пятый класс, – вспоминал Гольцев, – но ходить в гимназию не мог: не было ни сапог, ни верхнего платья» (3). Благодаря поддержке инспектора гимназии, будущего писателя Е.Л. Маркова, Гольцев был принят на казенный счет в гимназический пансион. Кроме того, в старших классах он стал давать уроки, что позволило ему помогать семье. Представляется, что жизненные трудности закалили характер Гольцева, воспитали в нем такие качества, как трудолюбие и уважение к людям труда, целеустремленность, оптимизм и доброжелательность, умение ценить помощь других и стремление оказывать ее самому. Так, вероятнее всего, закладывались психоэмоциональные основы демократических убеждений мыслителя.

К концу гимназического курса Гольцев переживает мучительный процесс освобождения от «религиозной веры», от которой, по его словам, остался только один «чистый деизм» (4). Однако оказавшись «под обаянием» увлекших его произведений В.Г. Белинского, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, испытывая влияние самой пореформенной действительности, Виктор Александрович сумел заполнить образовавшийся духовной вакуум жадой общественного служения и идеей «политической свободы» (5), превратившейся со временем в нравственный императив всей его жизни. Не случайно современники, оценивая его отношения с властью в годы правления Александра III, называли Виктора Алек-

сандровича «...истинным рыцарем конституционной идеи в России», сумевшим сохранить ей преданность даже «в эпоху торжества политической реакции» (6).

С другой стороны, рано сформировавшиеся независимость мысли и чувство личного достоинства помогли Гольцеву не только занять активную гражданскую позицию, но и отстаивать свои убеждения, противостоять той или иной общественной моде. Так, он не принял находившиеся в середине 1860-х гг. на пике популярности идеи нигилизма и выступил, несмотря на нападки товарищей, в защиту творчества А.С. Пушкина против «Писаревского разрушения эстетики» (7).

Закончив в 1868 г. с золотой медалью гимназию, Гольцев поступил на юридический факультет Московского университета. Во время учебы он принимал участие в студенческих сходках и даже в деятельности «тайного общества» (вероятно, московского отделения «чайковцев». – Р.А.), которое ставило перед собою цель «...пересоздание мира в самом ближайшем будущем», но вскоре распалось из-за внутренних разногласий.

Тогда же он познакомился с будущим известным народовольцем и «странным ренегатом» Л.А. Тихомировым, создавал студенческую нелегальную библиотеку и изучал труды теоретиков социализма (8). Именно в студенческие годы у Гольцева окончательно сложилось стремление «всего себя отдать на великое дело любви...» (из контекста подцензурной статьи следует: к свободе и народу. – Р.А.). Так, в студенческие годы под влиянием меняющегося в пореформенной России социокультурного контекста, знакомства с передовой мыслью, а также благодаря активной гражданской позиции и стремления к «общественному служению» формировалась матрица его либерально-демократических взглядов.

Следует учитывать и то, что самостоятельность мысли, формирующий объективистский взгляд на происходящее, неприятие любого насилия и деспотизма, в том числе и партийного, отвратили Гольцева от свойственного поклоняющейся идее социальной справедливости интеллигенции увлечения революционной борьбой. И при всем радикализме убеждений он изначально выступал сторонником мирных преобразований.

В 1872 г. Гольцев окончил курс и был оставлен при университете на кафедре финансового права. После сдачи магистерских экзаменов по финансовому праву и политической экономии в сентябре 1875 г. он был отправлен за границу в целях подготовки магистерской диссертации, необходимой для занятия преподавательской должности. Помимо научных занятий Гольцев, побывавший в Париже, Гейдельберге, Вене и Лейпциге, изучал культуру и общественную жизнь западноевропейских стран. Кроме того, он получил возможность ближе познакомиться с деятельностью российской революционной эмиграции. Присущая ему активная гражданская позиция, усиленная даром полемиста, подтолкнули молодого стажера к решительному и чрева-

тому неприятными последствиями шагу: он отправил из Парижа письмо в редакцию журнала «Вперед!», находившуюся в Лондоне и пытавшуюся в это время свое издание превратить в новый русский «Колокол». (Опубликовано: «Вперед!», 1875, № 21 за подписью «Русский конституционалист» с полемическим ответом редактора П.Л. Лаврова).

В письме, практически ставшим манифестом складывавшегося в стране либерального демократизма, с его отказом от идеи сохранения самодержавия как единственной реформаторской силы России, Гольцев решительно осудил пропаганду насильственной революции, обосновал необходимость установления «...конституции, дающей возможность рабочим объединяться идти вперед при свете науки... введения в жизнь русского общества нового принципа народного верховенства на место императорского “быть по сему”» (9).

Следует учитывать, что в своем послании Гольцев сформулировал альтернативу не только революционно-народнической программе, разрабатываемой крупным теоретиком и ученым, пользующимся огромным уважением в среде разночинной интеллигенции. Он бросил вызов и «старым» русским либералам, для которых конституционная монархия оставалась хотя и главной, но отдаленной политической целью, достижение которой связывалось лишь с либерализацией режима силами самого самодержавия, его готовностью к самоограничению своей власти.

В Вене Гольцев выступил в украинском обществе «Буковина» со своей первой публичной лекцией о русской литературе, а также с речью, направленной против «антимоскальских выступлений» со стороны украинской диаспоры.

Во время неформальной встречи со студентами он произнес тост «за свободное развитие славянских народов», что подразумевало и восстановление самостоятельности Польши.

Следует заметить, что «застольные» выступления Гольцева в дальнейшем принесут ему не только славу смелого оратора, «души» либерального общества, но и неприятности с полицией. И в данном случае сведения о его «вольномыслии» очень быстро дошли до Петербурга. Более того, агент полиции, сообщивший о неблагонадежности Гольцева, обнаружил и скрытую подоплеку его стремления занять кафедру, заключающуюся в желании ее использовать с целью проведения «социально-революционной пропаганды» (10).

Вернувшись осенью 1877 г. в Москву и сдав еще один магистерский экзамен по полицейскому праву, Гольцев защитил в 1878 г. магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство во Франции XVII в. Исторический очерк», в которой показал негативные стороны абсолютизма как формы государственности. Вскоре он был избран доцентом кафедры полицейского права Московского университета.

Однако донос, а также острая критика Гольцевым на страницах печати классической системы образования побудили министра народного просвещения Д.А. Толстого разослать тайный циркуляр, преграждавший ему дорогу в университет. В итоге Гольцев вынужден был отказаться от должности (11).

Приглашение в Новороссийский университет (1879 г.) также закончилось вынужденной отставкой.

Во время «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова новый министр народного просвещения А.А. Сабуров в феврале 1881 г. утвердил Гольцева в должности доцента Московского университета. Молодой преподаватель подготовил и начал читать курс «Учение об управлении», с интересом встреченный студентами. Но с поворотом власти к политике реакции он в августе 1882 г. вновь был уволен в отставку. «Профессор, заявивший себя убежденным сторонником конституционных начал, – писал П.Б. Боборыкин, – оказался не ко двору для русских университетов пореформенной эпохи» (12). Так приверженность либеральным взглядам и активная гражданская позиция встали на пути успешной личной карьеры.

Потеряв возможность реализовать себя на научно-преподавательском поприще, весь свой талант и темперамент Гольцев отдал публицистической и общественной деятельности.

К началу 1880-х гг. он выдвинулся в первую шеренгу либералов новой волны, отличавшейся большим радикализмом, приверженностью идеям конституционализма и чутким отношениям к социальным проблемам.

Однако различия во взглядах и в возрасте не стали препятствием для установления дружеских отношений с «патриархом» русского либерализма Константином Дмитриевичем Кавелиным, который после одной из встреч с «московским кружком» писал Гольцеву: «От последнего моего пребывания в Москве, наших свиданий и бесед, на меня так и повеяло 40-ми годами. Люди другие, обстоятельства и обстановка другие, вопросы другие, а дух тот же самый! Невольно и незаметно молодеешь в вашем кружке – не воспоминаниями о прошедшем и невозвратном, а потому, что это прошедшее есть вместе и продолжающее жить под новыми формами вечно свежее, молодое, живучее...» (13). Представляется, что будущий редактор журнала «Русская мысль», один из неформальных лидеров русского оппозиционного общества конца XIX в. Гольцев воспринимался Кавелиным как связующее звено между классическим и новым демократическим либерализмом, как духовный преемник, способный воспринять и развить лучшие традиции отечественного свободомыслия.

В конце 1870-х – 1880-х гг. Гольцев принял активное участие в земском движении. Он был одним из организаторов съезда земской оппозиции, состоявшимся в марте 1879 г. в Москве, в 1880–1884 гг. избирался уездным и губернским земским гласным в Тверской губернии, в 1892–1893 гг. – глас-

ным Московской городской думы. Правда, от последнего избрания Гольцев вынужден был отказаться под давлением властей (14).

В конце 1880-х гг. им была написана, правда, так и не опубликованная в то время программная статья «Земский собор», призванная стать платформой для объединения радикальных и либеральных сил страны в целях достижения политической свободы (15).

После возвращения из-за границы Гольцев находился под негласным надзором полиции. Более того, по подозрению в связях с народниками его арестовывали на короткие сроки в 1884 и в 1888 гг. Во время первого заключения ему удалось написать часть докторской диссертации «Законодательство и нравы в России XVIII века», которая была издана в 1886 г., но так и осталась незащищенной, что не позволило Гольцеву получить степень доктора (16).

В 1880 г. Виктор Александрович стал одним из ведущих сотрудников журнала «Русская мысль» (с 1885 г. по цензурным условиям неофициальный, с 1905 г. официальный редактор).

Этому изданию он отдавал все свои силы, надеясь превратить его не только в трибуну свободного слова и орган формирования общественного мнения, но и центр сплочения всех оппозиционных сил страны. Вот почему на страницах журнала были представлены славянофилы и западники, народники и либералы, а само издание подвергалось нападкам как слева за «неопределенность и шаткость» программы (17), эклектизм и теоретическую растерянность (18), так и справа – за «революционизацию молодежи» (19).

Во многом благодаря энергии, профессионализму, знаниям, личным качествам и связям Гольцева с журналом сотрудничали Г.И. Успенский, Н.С. Лесков, М. Горький, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко, А.П. Чехов и многие другие писатели. Публикация их произведений, а также статей сотрудников журнала, в том числе и его редактора, способствовали росту популярности издания, ставшего крупнейшим из «толстых» либеральных журналов 1880–1890-х гг. (до 10 тыс. подписчиков), его превращению в центр культурной жизни российского общества рубежа XIX–XX вв.

Гольцев принял также активное участие в создании Московского юридического общества (в 1882–1888 гг. занимал пост товарища председателя), был членом Общества любителей русской словесности, Московского психологического общества, Комитета грамотности и других общественных организаций, выступал с публичными лекциями в различных аудиториях. В 1891–1892 гг. он участвовал в организации помощи голодающим.

Вся публицистическая и общественная деятельность Гольцева воспринималась им как служение идее свободы и своему народу. Он обладал ораторским даром, способностью возбуждать в обществе определенные настроения. Даже застольные речи, особенно эпохи «банкетной кампании» начала XX в., как уже отмечалось, Гольцев превращал в «факт общественной

жизни» (20), придавая им характер политического выступления, призванного объединить демократическую оппозицию.

По свидетельству одного из лидеров российского либерализма, руководителя партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, редактор «Русской мысли», обладая рядом «положительных качеств», сделался «своего рода центром, к которому сходились нити московского либерализма в левой окраске» (21).

Демократические убеждения Гольцева, сочетаясь с его темпераментом оратора и полемиста, находили свое проявление в его выступлениях, стремлении донести свои идеи путем пропаганды до различных слоев общества. «В нем билась жилка народного трибуна, писал его биограф, ссылаясь на мнение историка А.А. Кизеветтера, – ему неизменно нужна была атмосфера широких общественных интересов и... кипучей борьбы» (22).

Однако лишенный возможности вести открытую политическую деятельность, вынужденный тратить силы и время на решение частных вопросов, связанных, например, с преодолением цензурных препятствий, Гольцев постепенно утрачивает былую энергию.

Современники отмечали появление в его поведении начала XX в. «апатичности и вялости», полагая, что «он переживал в душе тяжелую драму» (23).

Чем она была вызвана? То ли радикализацией общества и необходимостью для проповедующего толерантность и компромиссность человека выбирать более четкую позицию, то ли нарастанием массового демократического движения, которое он готовил, но его реальное появление на исторической арене считал преждевременным, несущим в себе угрозу всеобщего разрушения.

В любом случае парадокс его личной судьбы заключался в том, что когда наступило время открытой политической борьбы, он стал скорее ее созерцателем, так и не успев увидеть исхода противостояния, «вкусить» плодов свободы.

Первую русскую революцию, особенно Манифест 17 октября, Гольцев встретил с большими надеждами, увидев в нем «зародыш свободы», но и с опасениями, вызванными развертывавшейся перед его глазами неуправляемой стихией масс. Примкнув к партии кадетов, он принял деятельное участие в предвыборной агитации в первую Государственную думу. Весной 1906 г. Виктор Александрович был избран приват-доцентом Московского университета, но болезнь и скорая кончина не дали ему возможности не только возобновить педагогическую деятельность, но и реализовать свой потенциал в думских баталиях.

Каковы же основные элементы воззрений Гольцева, почему этого незаурядного человека и не до конца понятого, а тем более изученного мысли-

теля можно отнести к одному из первых представителей реформаторского демократизма в России?

Уже с середины 1870-х гг. Гольцев в своих публикациях обосновывал и пропагандировал либеральные ценности: свободу и права личности, эволюционный путь развития общества. Он призывал «уважать человеческое достоинство, обеспечить свободу слова и мысли, создать порядки, благоприятные для всестороннего развития личности...» (24), отстаивал необходимость проведения социальных и политических реформ, направленных на установление конституционного строя и повышение благосостояния народа.

Вместе с тем его либеральные в своей основе общественно-политические взгляды отличались неортодоксальностью и противоречивостью.

Став заметным и влиятельным представителем нового либерального поколения, сложившегося на рубеже 1870–1880-х гг. в условиях пореформенной модернизации, Гольцев сумел выразить и сформулировать его лучшие стороны: демократическую направленность, социальное реформаторство, конституционализм и готовность бороться за политическую свободу.

Так, уже в первой программной статье «Русской мысли» он писал о том, что основное внимание издание будет уделять народу «с его потребностями, страданиями, горькою нуждою, ужасающим невежеством». При этом, отмечая пагубные для крестьянского хозяйства последствия утверждения капитализма, он обосновывал необходимость сохранения крестьянской общины, предполагая вместе с тем ее постепенное превращение в «свободный союз», основанный на «личном труде» (25).

Таким образом, одним из первых среди русских либералов он обратил внимание на взаимосвязь уровня жизни народа и свободы.

Исходя из того что нищета большинства населения и политическая свобода несовместимы, в целях поддержки «трудящихся классов» он в своей программной статье «Земский собор» допускал национализацию через выкуп предприятий, имеющих крупное государственное значение, предполагал расширение государственной помощи артелям и кустарным промыслам (26).

Кроме того, он выступил с критикой «манчестерской школы» и обосновывал необходимость вмешательства государства в социально-экономическую сферу «интересами общественной безопасности и справедливости» (27).

Таким образом, Гольцев отстаивал идею закрепления за государством активной социальной функции, полагая вместе с тем, что лишь достижение политической свободы создает условия для обеспечения конституционным государством социальной справедливости. С другой стороны, укоренение политической свободы, саму ее прочность мыслитель тесно связывал с проведением демократическим государством активной социальной политики.

Решение аграрного вопроса Гольцев видел в организации переселений, расширении деятельности крестьянского банка и выкупе земли в местностях

с недостатком наделов, в реформе общины, направленной на создание в ее рамках условий для развития индивидуального крестьянского хозяйства. Представляется, что в стремлении осмыслить и сформулировать чаяния народа, найти компромисс между общим и частным интересом, а следовательно, определить границы реальной свободы в ее либеральном понимании и заключался подлинный демократизм Гольцева.

Вместе с тем редактор «Русской мысли» выступал против слепого преклонения перед народом, осуждал попытки «возвеличивания стихийного состояния перед культурным, превознесения нутра над честными усилиями просвещенной мысли» (28). Любое противопоставление «народной правде» цивилизации и науки, носителями которых являлась интеллигенция, могло пагубно отразиться на жизни самого народа. По его словам, «рабское подчинение мнению большинства было бы ничем не извиняемою изменою народу в широком... смысле этого слова» (29).

Таким образом, Гольцев закладывал традиции либерального демократизма, с его отказом от идеализации народа, стремлением понять и сформулировать не всегда им самим осознаваемые интересы, с его деятельностью, направленной на то, чтобы сами массы их восприняли и осмысленно защищали.

Именно в интеллигенции Гольцев видел силу, способную не только просветить народ и выразить его «лучшие стремления», но и организовать его, создать в нем общественное мнение, способное заставить власть пойти на реформы.

Кроме того, интеллигенция, утверждал редактор журнала, должна была играть роль посредника «... между своим народом и другими просвещенными нациями... проводить в свою страну приобретения общечеловеческой цивилизации» (30). Для выполнения же своей культурнической и политической миссии интеллигенция, полагал Гольцев, должна была преодолеть раскол, существующий между ней и народом. Сам он опубликовал ряд брошюр, например, «Что такое подати и для чего их собирают?» (М., 1903), призванных не только просветить народ, но и найти общий язык между интеллигенцией и крестьянством, решить острейшую проблему коммуникации элиты и народных масс.

Узнав, что его брошюра «Что такое подати...» нашла живой отклик в народной среде, он с волнением написал, что «ни один литературный успех, ни один добрый отзыв» не был ему так дорог. При этом Гольцев призвал либеральную интеллигенцию активнее продвигать свои идеи в народ, брать на себя ответственность за его образование, обращаться к простым людям без заигрывания на простом и понятном им языке, утверждая, что «народ не может не понять вас и не признать за вами правды, когда она в действительности за вами» (31).

Таким образом, редактор «Русской мысли» не только поставил сложнейшую задачу «внесения» либеральных идей в народные массы, но одним из первых попытался реализовать ее на практике, полагая, что именно интеллигенция могла соединить европейские демократические ценности с русской почвой, наполнить европейские политические формы реальным национальным содержанием.

Вот почему он активно защищал либеральную интеллигенцию как от критики со стороны одного из идеологов легальных народников И.И. Каблицы-Юзова, обвинявшего ее в «беспочвенности», т.е. в оторванности от интересов и настроений народа, а также в стремлении навязать ему свои идеалы (32), так и от нападков правых и левых радикалов, пытавшихся уличить ее в социальном эгоизме и буржуазности (33).

Кроме того, редактор «Русской мысли» отстаивал общие для всего демократического движения требования свободы слова и вероисповедания, которая, по его словам, является основным условием «нормальной государственной жизни». Выступал он и за «уравнение прав всех национальностей, живущих в империи» (34).

Вместе с тем Гольцев оставался сторонником сохранения территориальной целостности российского государства, соединимой, по его мнению, с предоставлением культурной автономии национальностям. Обеспечение же полученных свобод должно было гарантировать «общегосударственное постоянное выборное представительство», располагающее правом «обсуждения законопроектов и бюджета, полного контроля над действием администрации» (35).

Представляется, что умеренность выдвигаемых Гольцевым буквально накануне первой русской революции требований определялась реалистичностью их содержания, надеждами на то, что их возможно было осуществить путем мирных реформ, проводимых самой властью, а также опасениями катастрофических последствий надвигающейся стихии массовых выступлений.

В своих статьях Гольцев неоднократно подчеркивал близость взглядов либералов и народников-политиков во главе с Н.К. Михайловским на свободу личности и слова, полагая, что расхождения между ними заключаются «лишь в оценке путей к достижению... независимости личности» (36). В его полемике с народниками и в целом в публицистической деятельности проявилось стремление, с одной стороны, к синтезу либерального и демократического движений в России, а с другой, – к объединению всей оппозиции на базе идеи политической свободы.

Назревшие преобразования, да и в целом движение к свободе Гольцев мыслил лишь как результат реформ, проводимых правительством при активном воздействии на него самого общества, опирающегося на подготовленное и организованное движение демократических слоев. Доказывая «не-

возможность мгновенных переворотов», он предупреждал оппозиционную интеллигенцию об опасности «с одного маху перестраивать политические учреждения и предписывать новые законы неподготовленному к ним обществу» (37). Гольцев ратовал за создание гражданского общества, просвещение народа как необходимые предварительные условия для радикальных политических перемен. При этом особые надежды он возлагал на земство, в котором русские либералы видели основу построения демократической системы в ее национальной форме, самое эффективное средство политического воспитания народа и продвижения к свободе. К тому же земское самоуправление, как и община, привлекала либеральных демократов возможностью осуществления при определенных условиях исторического компромисса между индивидуальным и коллективным, частной инициативой и общественным интересом, личной свободой и государственным порядком, что и должно было привести в перспективе к реализации либерально-демократического синтеза. Таким образом, земство становилось решающим фактором продвижения к демократии, к тому же гарантирующим соблюдение основополагающего для демократической интеллигенции принципа: «все для народа и через народ».

Гольцев отмечал заслуги земских учреждений в развитии народного благосостояния и общественного правосознания, призывал интеллигенцию содействовать «...живому и плодотворному росту личности на Руси и отстаивать наше самоуправление...» (38). С другой стороны, именно притеснения земств и печати со стороны правительства и привели, по мнению Гольцева, к острому общественно-политическому кризису начала XX в. Выход же из него редактор «Русской мысли» видел лишь в дальнейшем развитии земского самоуправления, «...введении земства на основе бессловной волости по всей Европейской России» (39). Только эти меры, доказывал он в ноябре 1904 г. на совещании представителей земской либеральной оппозиции, могли предотвратить сползание страны в хаос стихийного народного выступления.

Вместе с тем, стремясь предотвратить революцию, осуждая насильственные методы борьбы, а также «иезуитские планы натравливания бедных классов на богатые путем воздействия на... хищные инстинкты толпы», он признавал за народом «право вооруженным восстанием защищать себя от притеснения и гнета». Кроме того, осуждая тех революционеров, которые «стремятся путем захвата власти, диктатуры, терроризации общества и народа навязать стране свои законы и порядки», Гольцев не мог «...отказать в личном уважении людям, жертвующим собою для отмщения за поруганный народ и общество» (40).

Таким образом, во взглядах Гольцева, общественного деятеля и историка, причудливо сочетались неприятие насильственных методов преобразований с пониманием закономерности народных выступлений, которые он

и надеялся если не предотвратить, то, по крайней мере, направить, придав ему организационную форму, в русло борьбы за политическую свободу. Его отличала также критика целей тех революционеров, которые стремились к захвату власти ради утверждения диктатуры и реализации своей утопической социальной программы. Однако это осуждение несколько сглаживалось обоснованием закономерности их борьбы, рассматриваемой Гольцевым как естественный ответ честных людей на реакционную политику правительства, его притеснения общества и народа, а также сочувствием их жертвенному героизму. Следует учитывать и то, что свое обоснование естественного характера революции он сформулировал в статье, которая была призвана стать платформой объединения всех оппозиционных сил России в целях достижения политической свободы.

В основе мировоззрения Гольцева лежали идеи позитивизма, воспринятого им под влиянием теории немецкого философа Л. фон Штейна. Общественное развитие он воспринимал как результат взаимодействия целого комплекса факторов – экономических, природных, социальных, идейных, полагая при этом, что, в современную ему эпоху все большую роль начинают играть «идеи–силы». В его понимании этот фактор представлял собой нравственный императив личности, воспринявшей идеалы свободы и справедливости и стремившейся их воплотить в жизнь. «Управлять нашим человеческим миром призваны идеи, – писал он. – Свобода и справедливость являются в истории идеями-силами, они составляют один из результатов эволюции... и давно уже стали могущественными ее факторами» (41).

Именно представления Гольцева об общественной роли идей обуславливали, с одной стороны, его внимание к деятельности и политическим взглядам их носителей – интеллигенции, а с другой – стремление сплотить ее на либерально-демократической платформе журнала «Русская мысль». Он полагал, что «идеи при содействии воспитания и учреждений перераспределяют индивидуальные и общественные силы, вводят многообразные исторические потоки в новое русло и дают им возможность производить новую историческую работу» (42). В итоге идеи-силы, согласно логике его рассуждений, должны были определять не только направление общественного развития, но и сам характер отношений между людьми.

Позитивистское, полифакторное понимание исторического процесса стало теоретической основой неприятия Гольцевым «экономического материализма», который он отождествлял с марксизмом. К тому же в сторонниках этого социального учения он видел непримиримых оппонентов близких ему по духу народников-политиков круга Н.К. Михайловского. Ведущаяся между ними острая полемика, аргументы, используемые марксистами, подтолкнули Гольцева к защите народников. При этом он подчеркивал односторонность экономического материализма (43), и, не отрицая «влияния экономических отношений» на развитие общества, доказывал, что оно «ни-

когда не является исключительным и единственным», обращал внимание на возрастающую роль «все более и более просвещающегося народного самосознания» (44).

Представляется, что в позиции, занятой Гольцевым в данной полемике, проявилась типологическая общность двух моделей реформаторской демократии в России конца XIX в.: либерально-демократической и реформаторско-народнической.

Отношение Гольцева к одной из ключевых проблем общественной мысли страны – антитезе Россия–Запад – отличалось внутренней противоречивостью.

С одной стороны, он не видел иной альтернативы развития страны, как движение в западном направлении, предполагающее создание европейских правовых и культурных форм, отмечал благотворное влияние западноевропейского просвещения на появление в России понятий о «правах гражданина и личном достоинстве» (45). Следует отметить также его критику славянофильских концепций самобытности, исторических особенностей и мессианской роли России, признание универсальности исторического процесса (46). Кстати, именно в отношении к проблеме национальной специфики, признании или неприятии идеи особенного пути развития России проходила черта, разграничивающая либерально-демократическую и реформаторско-народническую модели эволюционного демократизма рубежа XIX–XX вв.

С другой стороны, Гольцев осуждал слепое и бездумное копирование, а тем более насильственное перенесение европейских форм на русскую почву (47), выступал сторонником творческого переосмысления достижений западной цивилизации в интересах всего народа, полагая, что он «может и должен прибавить нечто свое к общей работе человечества» (48). Таким образом, Гольцев выступал за органическое внедрение европейских форм в контекст русской культуры и общественной жизни, за самостоятельное воплощение либеральных ценностей на национальной почве, что на практике означало восприятие идеи свободы большинством населения, синтез либерализма и демократии.

Свободолюбие и общественное служение Гольцева были окрашены в оптимистические тона праздника, а не мрачного самопожертвования, что наряду с убежденностью и «джентльменством» в отношениях с оппонентами притягивало к нему представителей интеллигенции, превращало в неформального лидера либерально-демократического движения.

По оценке исследователей, в его взглядах прослеживается синтез либеральных и демократических идей (49), призванный расширить социальную базу либерализма в России.

Будучи убежденным либералом, Гольцев отстаивал приоритет созидания гражданского общества и достижения политической свободы перед утверждением социальной справедливости, отмечая при этом их взаимосвязь

симость, выступал с критикой призывов к революционным изменениям общественного строя.

Неортодоксальность его либеральных воззрений проявилась во внимании к социальным вопросам; в планах использования традиционных национальных структур, например, крестьянской общины, земского самоуправления для формирования новых отношений; в предоставлении государству активной экономической и воспитательной роли; в допущении возможности использования нелегитимных средств для достижения политической свободы; готовности идти на соглашение с революционными силами. Его социально-экономические взгляды отличались умеренным радикализмом, стремлением учесть национальные особенности и потребности трудящегося населения, что отличало их от типично либеральных воззрений эпохи конца XIX в. В концепции и общественной позиции Гольцева причудливо сочетались неприятие революции и сочувствие революционерам, понимание необходимости культурной европеизации и приверженность национальным ценностям (50), уважение к людям труда, забота о судьбах крестьянства и критика идеализации русского народа.

В целом можно констатировать становление в его взглядах и деятельности нового направления в русском либерализме, стремившегося наряду с потребностями учесть и возможности развития российского общества начала XX в. Формируя либерально-демократическую программу, ратуя за участие в социально-политической деятельности широких народных масс, Гольцев, в отличие от идеологов радикального социализма, отвергал агрессивность и насилие, революционные методы ее осуществления.

В отличие от народников он не только сострадал народу, желал радикально изменить его положение и передать ему бразды правления, но и отмечал его недостатки, обосновывал необходимость подъема культурного и политического уровня до понимания ценности свободы личности, до способности к гражданскому самоуправлению. С другой стороны, он перестал в духе либерального западничества пореформенной эпохи возлагать надежду на реформаторский потенциал самодержавия, большее внимание уделял социальной и экономической сторонам жизни, допускал использование радикальных методов давления на власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Смолкина Н.С.* Гольцев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989. – Т. 1. – С. 620–623; *Она же.* «Призван к миссии редактора» / В.А. Гольцев – редактор журнала «Русская мысль» // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. – 1990. – № 6. – С. 20–29; *Секиринский С.С.* Виктор Александрович Гольцев: «Мой девиз: труд и политическая свобода...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. – М., 2007. – С. 295–301.
- (2) *Гольцев В.А.* Из воспоминаний и переписки // Русская мысль (далее – РМ). – 1905. – № 4. – С. 173, 174.

- (3) Там же. – С. 175.
- (4) «Мучительные сомнения, горе об исчезнувшей вере едва не довели меня до сумасшествия», – признавался позднее сам Гольцев (там же. – С. 176).
- (5) Там же. – С. 178.
- (6) От редактора // Памяти Виктора Александровича Гольцева. Статьи, воспоминания, письма / Под ред. А.А. Кизеветтера. – М., 1910. – С. III.
- (7) *Гольцев В.А.* Из воспоминаний и переписки... – С. 176.
- (8) См. там же. – С. 177.
- (9) См.: Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 136; *Лавров П.Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы: В 4 т. – М., 1934–1935. – Т. 4. – С. 168.
- (10) *Гольцев В.А.* Из воспоминаний и переписки... – С. 180.
- (11) См. там же. – С. 181–182.
- (12) *Боборыкин П.Д.* Убежденный человек. Памяти В.А. Гольцева // РМ. – 1906. – № 12. – С. 116.
- (13) Письма К.Д. Кавелина к В.А. Гольцеву // РМ. – 1885. – № 9. – С. 155.
- (14) См.: *Чешихин-Ветринский В.Е.* Биографический очерк // Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 39, 54; *Петрункевич И.И.* Там же. – С. 103, 108.
- (15) Подробнее о ней см.: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор» // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории: Сб. ст. – Вып. 2. – М.; Л., 1980. – С. 141–158.
- (16) См.: *Чешихин-Ветринский В.Е.* Биографический очерк // Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 48; *Голубев Н.Н.* Памяти В.А. Гольцева // РМ. – 1907. – № 5. – С. 123.
- (17) *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 15. – С. 738–739.
- (18) *Андреевич (Соловьев Евгений Андреевич).* Очерки текущей русской литературы. О журнале эклектическом // Жизнь. – 1900. – № 3. – С. 290.
- (19) *Щетинин Б.А.* Воспоминания о В.А. Гольцеве // Исторический вестник. – 1907. – № 1. – С. 185.
- (20) *Милюков П.Н.* Некролог // Речь. – 1906. – № 221.
- (21) *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). – Нью-Йорк, 1955. – Т. 1. – С. 151.
- (22) *Чешихин-Ветринский В.Е.* Биографический очерк // Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 42.
- (23) *Щетинин Б.А.* Воспоминания о В.А. Гольцеве // Исторический вестник. – 1907. – № 1. – С. 199.
- (24) *Гольцев В.А.* Социология на экономической основе // РМ. – 1893. – № 11. – С. 155.
- (25) РМ. – 1880. – № 1. – С. 88.
- (26) Цит. по: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор» // Государственные учреждения... – С. 149.
- (27) *Гольцев В.А.* Пауперизм на Западе Европы // Вопросы дня и жизни (Публичные лекции, речи и статьи). – М., 1892. – С. 123.
- (28) *Гольцев В.А.* Литература и жизнь. Критические заметки // РМ. – 1888. – № 3. – С. 163.
- (29) *Гольцев В.А.* Образованность и народная правда // Русский курьер. – 1882. – 25 марта. – № 82.
- (30) *Гольцев В.А.* Национальный вопрос в XIX в. Из политического наследия прошлого столетия // РМ. – 1901. – № 3. – С. 150.

- (31) Гольцев В.А. Литература и жизнь. Критические заметки... – С. 180.
- (32) См.: Гольцев В.А. Либерализм и народничество // *Голос*. – 1882. – № 320; *Он же*. Идеалы и действительность // *Вопросы дня и жизни*... – С. 64.
- (33) См.: Гольцев В.А. Дневник общественной жизни и печати // *Московский телеграф*. – 1881. – 27 октября.
- (34) Гольцев В.А. Особое мнение на частном совещании о необходимости введения политических свобод в России // *РО РГБ*. – Ф. 77 (В.А. Гольцева). – К. 23. – Д. 14. – Л. 1.
- (35) Там же. – Л. 1 об.
- (36) Гольцев В.А. Либерализм и народничество // *Голос*. – 1882. – № 320.
- (37) Гольцев В.А. К вопросу об идеях и поколениях // *Волжский вестник*. – 1890. – № 308; См. также: *Голос*. – 1881. – № 114.
- (38) Цит. по: *Чешихин-Ветринский В.Е.* Биографический очерк // Памяти Виктора Александровича Гольцева. – С. 19–20.
- (39) Гольцев В.А. Особое мнение на частном совещании о необходимости введения политических свобод в России // *РО РГБ*. – Ф. 77 (В.А. Гольцева). – К. 23. – Д. 14. – Л. 1.
- (40) См.: *Ведерников В.В.* В.А. Гольцев и его статья «Земский собор»... – С. 155.
- (41) Гольцев В.А. Эволюция идей-сил // *Вопросы дня и жизни*. – С. 89.
- (42) Гольцев В.А. Историческая эволюция и психологические законы // *PM*. – 1895. – № 7. – С. 144.
- (43) См.: там же. – С. 136.
- (44) Гольцев В.А. Социология на экономической основе // *PM*. – 1893. – № 11. – С. 153.
- (45) Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. – СПб, 1896. – С. 156.
- (46) См.: Гольцев В.А. Национальный вопрос в XIX в. Из политического наследия прошлого столетия // *PM*. – 1901. – № 3. – С. 151–152; 1899. – № 5. – С. 237.
- (47) См.: Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. – С. 23.
- (48) Гольцев В.А. Идеалы и действительность // *Вопросы дня и жизни*... – С. 65.
- (49) См.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. – М., 1977. – С. 165–166.
- (50) «Москвич истинный до мозга костей, но... вместе с тем европеец, человек новых стремлений», – писал о нем В.Г. Короленко. (См.: *Короленко В.Г.* Несколько слов памяти // Памяти Виктора Александровича Гольцева... – С. 115.)

REFORMATORY DEMOCRATISM IN THE CONCEPT OF V. GOLTSEV

R.A. Arslanov

Department of Russian History
Russian University of Peoples Friendship
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

In the article the author analyzes the formation of liberally-democratic direction in public thought of Russia in post-reformal epoch. As example are taken the works of V. Goltsev,

the editor of the «Russian thought» magazine and one of the most famous representatives of liberalism of that time. In the article are shown some basic ideological elements of reformatory democratism, its liberally-democratic model is defined. The author also outlines the methodical approaches to research of liberally-democratic thought.

Key words: democracy, liberalism, liberally-democratic model, «Russian thought», reformism, constitutionalism, Narodism, freedom of personality, civil society.